

БУДКА

(Очерк)

I

На углу двух весьма глухих и бедных переулков уездного города стояла будка; физиономия ее походила на те беседки с колоннами и куполом, которые встречаются на лубочных изображениях иностранных вилл, причем обыкновенно впереди виллы, в воде, плавают два лебедя друг против друга, сзади видны деревья, а по дорожкам прогуливаются господа в шляпах набекрень, в черных фраках, дети с обручами и дамы с зонтиками на плече; походила она также на те храмы муз, которые обыкновенно изображают на занавесях провинциальных театров; такому сходству весьма способствовала старинная архитектура будки; она действительно была с колоннами и куполом, а каменные ободранные стены ее были круглы; но некоторые, по-видимому, весьма ничтожные вещи, как, например, измазанная дверь с клоками истерзанной рогожи и войлока, приземистая черная труба, венчавшая вершину купола, и в особенности жестяная алебарда, видневшаяся всегда у колонн, весьма красноречиво доказывали наблюдателю, что видимое им здание не есть храм муз, но есть кутузка или сибирка; тем более что громадные калоши будочника Мырцеова, набитые для тепла соломой и постоянно торчавшие перед будкой на улице, — ни в каком случае не могли напоминать лебедей, плавающих перед иностранною виллой.

На тоненьких почерневших колонках будки всегда трепетали по ветру какие-то писанные и печатные лоскутки, на которых значилось, что такого-то числа военные и гражданские чиновники приглашаются пожаловать в парадной форме... Что того же числа в мещанской управе будет происходить торг и переторжка на имущество мещанки Степаниды, состоящее из утюга и кровати, оцененных в тридцать копеек... Что в зале дворянского собрания имеет быть бал, почему благоволят надеть белые жилеты те, кои и т. д. Но страна, где стояла будка, не имела ни парадной формы, ни тридцати копеек, чтобы овладеть обольстительным имуществом Степаниды, ни, наконец, белых жилетов; и поэтому-то пропаганда будочника Мырцеова по исчисленным вопросам была совершенно ничтожна; закутавшись в казенную шубу, он, правда, постоянно торчал около той или другой колонки и, по-видимому, сторожил эти писанные и печатные лоскутки, но в сущности смысл и содержание их были ему известны ровно столько же, сколько и жестяной алебарде, которая тоже торчала рядом с Мырцеовым, только у другой колонки... Оба они пропагандировали нечто другое и, следовательно, недаром мерзли на ветру...

Будочник Мырцеов принадлежал к числу "неспособных", то есть людей, совершенно негодных в войске. Эти неспособные большею частью происходят или из обделенных природою белорусов, или из русачков северных бесхлебных и холодных губерний. Мачеха-природа и лебеда пополам с древесной корой, питающей их, загодя, со дня рождения, обрекает их быть илотами и богом убитыми людьми; она наделяет их непостижимую умственную неповоротливую тию и все почти задавленные стремления человеческой природы сводит на жажду водки, которую они поглощают в громадных размерах; они умеют напиваться молча, не произнося ни единого слова; молча дерутся в кровь и, валяясь где-нибудь в глухом и безлюдном переулке, почти в беспомыслии умеют бормотать только одно: "виноват", ни на минуту не выпуская из скудного и запуганного воображения образ грозного начальства.

Начальство вообще панически действует на них; при виде его несчастные "неспособные" вытягиваются в струнку, замирают и задыхаются в воротнике, стянутом туго-натуго; виски, намазанные для праздника свиным салом, начинают потеть, а глаза получают способность пускать слезы. Кроме мачехи-природы, последние признаки человеческого существа из них выколачивает военная муштровка; в древние времена результаты ее отдавались у неспособных на скулах, под скулами, на спине и далее. "Муштра" комкала их, переламывала в нескольких направлениях, как какую-нибудь палку или доску, и, оставив в живых только косицы, намазанные свиным салом, сдавала в провинции на разные должности: в "хожалые", пожарные и проч. Воины эти, вступая на новый пост, непременно имели разные увечья и вывихи —